

Гу Хай не успел даже вскрикнуть, когда его начали избивать. Когда же он хотел закричать, у него уже не осталось сил.

Однако одно можно было сказать точно.

Даже если бы поблизости были камеры, зафиксировавшие весь конфликт, с любого угла зрения было бы видно, что Гу Хай первый начал провоцировать, пытаясь задеть другого, но в итоге сам получил урок, став идеальным примером того, как агрессор получает по заслугам.

Гу Син активировал режим «быстрого глушения звука», поэтому шум снаружи не побеспокоил людей в особняке.

Гу Хэньюань сидел на диване, слушая, как его жена Цао Тун и няня Лю обсуждали:

— Гу Син любит это блюдо, поставьте его ближе к нему. Потом не забудьте извиниться перед ним. Дети бывают непослушными, но взрослые должны быть мудрее. В конце концов, он же старший сын нашей семьи Гу, запомнили?

— Ладно, он не какой-то важный гость. Даже Гу Хай вызвали, просто семейный ужин, — с умилением и нежностью посмотрев на свою жену, Гу Хэньюань добавил:

— Ты правда стараешься.

Цао Тун взглянула на няню Лю:

— Хорошо подготовьтесь.

Затем она под села к Гу Хэньюаню:

— Не трудно, лишь бы немного облегчить твою нагрузку. Я готова на всё, только... он согласится?

— Моего сына я знаю лучше всех! Даже если он не согласится, ему придётся! — уверенно заявил Гу Хэньюань.

Характер Гу Сина больше походил на его мать. Раньше Гу Хэньюань даже взглянуть на него не мог, но манипулировать им было легко.

— Как ты меня должен называть? — кончиком ботинка Гу Син ткнул в лицо Гу Хай.

Гу Хай, с привкусом крови во рту, злобно смотрел на Гу Сина, но из-за боли покорно пробормотал:

— ... Брат.

— Неправильно, — равнодушно ответил Гу Син, услышав звук уведомления на телефоне.

Кто-то добавил его в друзья, и в сообщении было одно слово: «Разрешаю». Он догадывался, кто это, но не стал отвечать.

— ... — Гу Хай открыл рот, и с той стороны, которая была прижата к земле, потекла слюна с примесью крови.

Почувствовав, как давление ботинка на его лицо усилилось, он с плачем спросил:

— Что ты вообще хочешь? Назову тебя отцом, ладно?

— Ты достоин быть моим сыном? — усмехнулся Гу Син.

Эти слова прозвучали для Гу Хай как приговор. Затем он услышал, как юноша сказал:

— Я твой предок, назови меня так.

Если бы у Гу Хай была хорошая память, он бы вспомнил, как однажды вытащил испуганного Гу Сина из-под кровати, наступил на его грудь и заставил назвать себя предком.

Однако он явно забыл об этом и решил, что назвать кого-то предком менее унижительно, чем отцом, поэтому торопливо выпалил:

— Предок! Ты мой предок, ладно?

Голова Гу Хай была круглой, и наступать на неё было неудобно.

Гу Син убрал ногу:

— Проваливай.

Гу Хай, спотыкаясь и падая, побежал к особняку, словно за ним гнался злой дух:

— Мама! Папа! Спасите!

Юноша за его спиной поправил слегка помятую после движения рубашку, уголки его губ слегка приподнялись, а на фоне его бледной кожи это выглядело крайне невинно.

Цао Тун, увидев, как человек с синяками и ссадинами с криком бежит к ней, вскрикнула и бросилась в объятия Гу Хэнъюаня.

Затем она узнала Гу Хай, но боялась прикоснуться к нему, дрожа от злости и боли.

— Это Гу Син! Гу Син избил меня, наступил на меня, на мое лицо! Он хотел убить меня! — Гу Хай говорил бессвязно, полный ненависти и страха.

Однако он заметил, что взгляды его отца и матери были странными. Да, в них была боль, но больше — сомнение и раздражение.

— С кем ты вообще подрался? Опять натворил что-то? — Гу Хэнъюань, любивший младшего сына, больше всего беспокоился о его привычке нарываться на неприятности, прикрываясь именем семьи Гу.

Цао Тун взглядом дала понять сыну, чтобы он помалкивал. Обвинять в своих травмах Гу Сина было слишком нелепо. Тот, кто даже не смел сопротивляться, не говоря уже о том, чтобы бить кого-то.

Гу Хай чувствовал боль во всём теле и наконец понял, каково было Гу Сину, когда его несправедливо обвиняли и он не мог ничего доказать.

Однако, находясь рядом с родителями, он снова набрался смелости и, увидев, как Гу Син входит, сказал:

— Спросите его, это он избил меня... Чёрт! Он точно будет оправдываться...

Не закончив свою тираду, Гу Син посмотрел на Гу Хэньюаня:

— Это я избил его.

— Ты ещё признаешься! Я... — Гу Хай хотел броситься на него, но, встретив спокойный взгляд юноши, почувствовал, что боль во всём теле усилилась, и остался на месте:

— Мама, это он избил меня, ещё заставлял... В общем, это он.

Гу Хай не смог выговорить, что его заставляли называть отцом и предком.

Но родители точно заступятся за него!

— Мал... — Цао Тун, поддерживая сына, сдержала слово «сволочь», которое чуть не вырвалось из её горла, и спросила:

— Гу Син, что ты скажешь?

Глядя на женщину, которой явно за сорок, но выглядевшей на тридцать с небольшим, Гу Син лаконично ответил:

— Сволочь.

В гостиной воцарилась тишина.

Цао Тун не могла поверить своим ушам, затем почувствовала крайнее унижение и, чуть не плача, сказала:

— Старик, ты только посмотри на него... А я всегда относилась к нему как к родному сыну! Если сегодня это не получит объяснения, мне... мне будет стыдно жить!

Гу Хэньюань встал с дивана:

— Ты совсем с ума сошёл! Гу Син, где твоё воспитание, ты что, рехнулся?

Гу Син посмотрел на него с недоумением:

— Эти два слова Гу Хай использовал, чтобы оскорбить мою мать, поэтому я с ним подрался. Неужели господин Гу подумал, что госпожа Гу... сволочь?

— Я не... Раньше я говорил, но... — возмутился Гу Хай.

— Раньше говорил, значит, это не клевета, — спокойно ответил Гу Син, чем окончательно вывел его из себя.

Гу Хэньюань редко вступал в споры, но раз уж это произошло, поражение было недопустимо.

В тот момент, когда он хотел ударить Гу Хай, он уже продумал, как всё закончить — с самого начала до конца.

Цао Тун в голове крутились только два слова: «сволочь».

Раньше она сама так оскорбляла других, особенно бывшую жену Гу Хэньюаня, и не ожидала,

что это вернётся к ней. Её лицо то покраснело, то побледнело, выражая крайнюю неловкость.

Однако Гу Хэньюань пока не обращал на неё внимания, как и на травмы Гу Хай. Он лишь с недоверием спросил:

— Как ты меня назвал?

Гу Син никогда не называл Гу Хэньюаня «отцом», даже ради приличия. Это было слишком противно.

Он спокойно и естественно ответил:

— Господин Чэн сказал, что раз меня уже отправили, я больше не член семьи Гу, и мне нужно провести черту между вами и мной, иначе он будет недоволен. Если господин Гу не согласен, можете обсудить это с господином Чэном.

Гу Хэньюань... Гу Хэньюань с трудом сдержал раздражение:

— Раз так сказал господин Чэн, ты... Не нужно обсуждать. Просто помни, что в твоих жилах течёт кровь семьи Гу, пока что оставим всё как есть.

— Понял, — на этот раз Гу Син согласился, снова приняв вид послушного и покорного.

Раз в его жилах течёт кровь семьи Гу, то он не станет церемониться с их состоянием.

Что касается приказов господина Чэна, Гу Син был уверен, что у Гу Хэньюаня не хватит смелости пойти и спросить его лично.

Иначе он бы не пресмыкался перед ним, как только тот шутя сказал, чтобы его сына отправили.

Использовать имя Чэн Дунсюя как прикрытие Гу Син не считал чем-то неправильным.

Их отношения были достаточно близкими, чтобы не церемониться.

Гу Хэньюань чувствовал пустоту внутри, а также непонятное раздражение и злость. Он махнул рукой:

— Раз старший сын вернулся, давайте поужинаем.

Няня Лю, поражённая происходящим в гостиной, поспешно пришла в себя, но в душе не могла не подумать, что господин Гу никогда раньше не называл Гу Сина этим «старшим сыном»...

Гу Хай, весь в синяках, продолжал смотреть на Гу Сина с ненавистью.

Гу Хэньюань, заметив это, строго сказал:

— Позорник, иди наверх!

— Мама... — Гу Хай действительно запаниковал.

Что происходит с этим миром? Гу Син сошёл с ума, папа тоже, один осмелился избить его, а другой не защитил.

Цао Тун хотела утешить сына, но, поймав взгляд мужа, лишь торопливо сказала:

— Иди наверх!

Гу Хай, в полной растерянности, ковыляя, поднялся наверх.

Обед был богатым, но за столом царила тишина.

Гу Син поднял глаза на няню Лю, та отвела взгляд, поставила блюдо на стол и быстро удалилась.

Гу Хэньюань положил Гу Сину в тарелку кусочек кислой рыбы:

— Маленький Син, знаю, что ты вернулся, тётя Цао специально попросила няню Лю приготовить твоё любимое блюдо. Попробуй.

Гу Син улыбнулся, выглядев невинно и наивно:

— Правда? Но я больше всего не люблю кислую рыбу.

Гу Хэньюань почувствовал неловкость, особенно когда ему что-то было нужно от Гу Сина.

Цао Тун скрипела зубами от злости.

Раньше, когда Гу Син садился за стол, перед ним всегда ставили блюда, которые он не любил.

Он никогда не смел возразить, а теперь как посмел!

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16158/1447607>